

Кэрол
МЭТТЬЮС

Кэрол
МЭТТЬЮС

ЗАВЕТНОЕ
МЕСТО

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М97

Carole Matthews

A PLACE TO CALL HOME

Copyright © Carole Matthews Ink Ltd, 2014.

This edition is published by arrangement with David Higham Associates Ltd and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Д. Лазаревой*

Разработка серии и художественное оформление
С. Власова

Мэттьюс, Кэрол.

М97 Заветное место / Кэрол Мэттьюс ; [пер. с англ. Д. Лазаревой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Романы о таких, как ты).

ISBN 978-5-699-98461-9

Добрая и скромная домохозяйка Аиша когда-то давно приехала в Великобританию со Шри-Ланки к будущему мужу, мечтая о большой и дружной семье. Но судьба сыграла с девушкой злую шутку: прекрасный принц оказался настоящим злодеем, а она сама стала практически пленницей в новом доме.

И вот спустя шесть лет напуганная, но решительная Аиша вместе с маленькой дочерью выскальзывает из квартиры, оставляя позади жизнь, полную страданий и унижений. Билет на ночной автобус до Лондона — последний шанс на свободу. И фортуна наградит ее за столь отчаянный шаг: Аиша обретет не только новых друзей, но и настоящую любовь. Однако прошлое все равно будет следовать за беглянкой по пятам, и Аише придется преодолеть свои страхи и побороться за право на счастье.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Лазарева Д., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98461-9

От автора

Благодарю вас за то, что решили провести несколько часов в моей компании с моим романом «Заветное место». Надеюсь, вы полюбите его героев не меньше, чем я.

Для меня эта книга — особенная. Хотя все мои книги дороги мне как дети, и любимчиков быть не должно, но этот роман — определенно предмет моей особой гордости. Пока я над ним работала, я иногда плакала, много смеялась и ужасно переживала за Аишу, Сабину, Хейдена, Кристалл и Джой, когда они боролись с трудностями на пути к новым начинаниям.

«Заветное место» — воодушевляющая история о поиске дома и семьи. Порой, особенно в наши дни, некоторые семьи не вписываются в общепринятые рамки, но от этого не утрачивают своей ценности. Иногда человеку приходится мириться с тем, что есть, и мужественно над этим работать.

Надеюсь, роман вам понравится.

С любовью, Кэрол.

Глава 1

На часах было почти два ночи, и мои глаза слипались из-за недосыпа. Я нервно поглядывала на часы. Рядом громко храпел Суреш, и я была рада, что таблетка снотворного, добавленная ему в питье несколько часов назад, все еще действовала.

Вылезая из кровати, я все равно очень осторожно приподняла одеяло и как можно тише опустила ноги на пол. Прокралась в угол комнаты, чтобы забрать со стула свою одежду. Какая ясная ночь: яркий лунный свет наполнял комнату и освещал меня сильнее, чем хотелось бы.

На несколько мгновений я замерла с сальвар камизом¹ в руках, наблюдая, как спит человек, с которым мы были женаты вот уже десять лет. Сердце колотилось в груди, желудок сжимался, но я знала, что должна это сделать. Что бы ни произошло, оставаться здесь больше невозможно. В данный момент я находилась в этой спальне, в этом доме, с этим человеком — в последний раз.

---

¹ Сальвар камиз — традиционный индийский костюм, состоящий из туники и штанов.

Стараясь двигаться как можно тише, я пробралась из коридора в холл. Мать и отец Суреша спали в задней части дома, в самой большой комнате с окнами в сад. К счастью, комната Сабины в другом конце коридора. В мертвой ночной тишине слышалось лишь мое неровное дыхание.

Я переоделась в ванной: стянула ночную рубашку и надела вчерашний сальвар камиз. Потом аккуратно сложила ночнушку — возьму с собой ее и зубную щетку. Хотелось прополоскать рот, но я не рискнула включить воду. Стены тонкие, как бумага, а я старалась никого не разбудить, кроме Сабины.

Из зеркала на меня посмотрело чужое усталое, худое лицо испуганной женщины. Испуганной, но решительной.

Я прошла по дому и открыла дверь в комнату Сабины. Розовый свет ночника заполнил небольшое пространство теплым сиянием. Я направилась прямо к кровати и опустилась на колени у изголовья. Погладила дочь по шелковым волосам, длинным и темным, как мои. Волосы Сабины были рассыпаны по подушке, спутаны во сне, мои же лежали на спине, заплетенные в тяжелую косу.

— Сабина, — прошептала я ей на ухо, — Сабина, доченька.

Она открыла глаза и посмотрела на меня. Доверие в ее взгляде разорвало мне сердце. Я так долго обманывала ее... Но не в этот раз.

— Мамочка зовет тебя с собой, мы отправляемся в путешествие. Ты ведь любишь приключения? — прошептала я. — Только мы должны вести себя тихо-тихо, как мышки. Сможешь, ради меня?

Она кивнула с сонным видом, и я помогла ей выбраться из постели. Я приложила палец к губам. Ненужный жест. Сабина не говорит. Вообще.

Я быстро и бесшумно одела ее. Уже весна, но ночи еще холодные, и пока Сабина вяло завязывала шнурки ботинок, я достала из шкафа ее пальто. Сердце ушло в пятки — боюсь, что скрипнет дверца, — но, к счастью, все тихо. Когда-то я изо всех сил старалась красиво обставить эту комнату в одном стиле: у Сабины чудесное одеяло, шторы и абажур, похожий на юбку балерины. Но разве этого было достаточно? Ведь я не могла дать ей самого главного: любви, близости, радости.

Сабина, уже застегнутая, сонно покачивалась стоя, и я ненадолго ее посадила. В ее комнате под кроватью, далеко в углу, у меня уже была приготовлена сумка как раз на такой случай. Чтобы собрать все это незаметно, понадобилось несколько недель, даже месяцев. У нас был рюкзак, купленный на рынке по дешевке. Он был совсем маленький — лежащей внутри одежды должно хватить лишь на первое время, совсем ненадолго. Что делать после побега, я не знала.

— Нам нужно идти. Только, — я поднесла палец к губам, — тсс... очень тихо.

Взяла маленькую теплую ладошку Сабины в свою руку в надежде, что тактильный контакт придаст нам храбрости. Выйдя из комнаты, мы крадучись поспешили ускользнуть из дома. Я слышала храп Суреша, и это меня немного успокоило.

Не знаю, чем муж занимался на работе, но точно чем-то нехорошим. Иногда он приводил в наш дом друзей, и их смех раздавался до поздней ночи. А бывало, что он вообще не приходил домой. Неизвестно, какой он выкинет сюрприз, и поэтому подходящий для побега момент пришлось ждать так долго.

Спускаясь вниз, я считала ступени. Седьмая скрипела, и, вполне возможно, этот звук выдал бы нас в ночной тишине, поэтому мы должны были осторож-

но переступить через ступеньку. Сабина была очень легкой для восьмилетней девочки, и хотя я тоже миниатюрная, но я с легкостью перенесла ее через ступеньку. У дочери было такое серьезное, встревоженное лицо. Она дрожала у меня в руках, и я ее крепко обнимала.

Мы прошли по коридору к входной двери. Я сняла с вешалки пальто, надела его и покрыла голову шарфом. Что бы я сделала, если бы сейчас вдруг появился Суреш? Хватило бы мне решимости вырваться на свободу? Или я смиренно вернулась бы к нему, несмотря на клятву? Если бы он нас увидел, то сразу догадался бы, что мы бежим. Удираем от него и его кулаков. Когда он нападет на меня, что, несомненно, случится, смогу ли я отбиться? Или на этот раз муж решит, что меня следует наконец убить? Меня трясло от одной этой мысли. Что тогда будет с моей дорогой Сабиной?

Вглядываясь во встревоженное лицо дочки, я поняла, что должна это сделать. Если не для себя, то ради нее. Должна стать примером для нее, самой лучшей матерью, чтобы моя дочь выросла сильной, счастливой и независимой. Не такой, как я.

Рюкзак у меня в руках, и я осознаю, что переступаю порог этого дома в таком же материальном положении, в каком приехала из Шри-Ланки много лет назад, чтобы впервые встретиться со своим будущим мужем. С той лишь разницей, что теперь я опустошена и раздавлена. Сколько тогда во мне было надежды! Нужно заглянуть глубоко внутрь себя и попытаться вновь отыскать это чувство.

Открыла замок входной двери — на прошлой неделе мне удалось тайно смазать его маслом, чтобы он не щелкнул и не выдал нас.

— Готова? — прошептала я Сабине.

Она кивнула, и мы сделали шаг в темноту.

Глава 2

Стоя рядом с Сабиной, я оглянулась на дом: безликий и ничем не отличающийся от дюжины других зданий на нашей улице. Ничто не делало его родным: не было ни названия, ни красивых цветов в саду — холодный и пустой, как и его обитатели.

Я взяла Сабину за руку, и мы быстро пошли прочь.

— Мы должны идти быстро, — сказала я ей, — сможешь?

Она кивнула.

Обычно я не перехожу дорогу по подземным переходам, особенно когда темно: всем известно, что они становятся убежищем для грабителей и наркоманов. Но меня не выпускали из дома по ночам столько лет, что свобода рисковать собой и дочерью странным образом вскружила мне голову. Рэдвейс — самый быстрый и прямой путь к автобусной станции, откуда мы можем уехать, скрыться, а я не могу позволить себе потеряться.

Мы жили не в лучшем районе Милтон-Кинса. Наш дом стоял в самом центре города, и, судя по всему, это место знавало гораздо лучшие времена. Но теперь я даже рада оказаться здесь: отсюда не больше часа пути до автобусной станции, где мы купим билет и уедем из города. Железнодорожный вокзал далеко, на другом конце Милтон-Кинса, и пришлось бы заказывать такси, а я не могла рисковать. Слишком многие друзья Суреша водят такси, он сразу узнает о моем бегстве. Лучше полагаться только на себя.

— Все в порядке, детка? — повернулась я к Сабине. В ночном воздухе видно мое дыхание — маленькое облачко пара.

Она снова кивнула.

Я бы отдала что угодно, лишь бы просто услышать ее жалобу. Если бы она сетовала, что мы слишком быстро идем, или что она замерзла, или спросила бы, куда мы направляемся, я была бы счастлива. Если бы.

На протяжении долгих месяцев я воровала из бумажника мужа деньги — так часто, как только могла. Понемногу, чтобы он не заметил, — по пять, по десять фунтов. Я прятала их в старой жестянке в глубине гардероба, под стопкой полотенец, которыми мы пользуемся редко. И вот наконец я вырвалась из этого дома, и у меня есть восемьсот фунтов. Они лежат на дне рюкзака, аккуратно скрученные и замотанные резинками рулончики по сто фунтов.

Мы продолжили путь в темноте. По решению городского совета фонари ночью выключены, и дорога занимает больше времени, чем я ожидала, — ведь я не уверена, правильно ли мы идем. Мы с Сабиной повернули не туда, и прошло около четверти часа, прежде чем я увидела указатель и сообразила, что мы идем в противоположную сторону. Пришлось возвратиться. Небо начало светлеть, а я отчаиваться, когда вдали появилось здание автовокзала. Я услышала тихие отзвуки движения на трассе М1, пролегающей за зданием: музыка для моих ушей.

— Еще немного, Сабина — подгоняла я ее, — мы почти пришли.

Современная новостройка ярко светилась в рассеивающейся тьме. Держась за руки, мы пересекли последнюю дорогу — две фигуры посреди ночной пустоты. Лишь бы Суреш еще не проснулся и не обнаружил, что нас нет! И молюсь, чтобы он не поехал искать нас теперь, когда мы так близко к цели. Я сжала пальчики Сабины, и мы ускорили шаг.

Первый автобус в Лондон должен уйти в половину четвертого, и у нас еще осталось немного времени — я с облегчением поняла, что мы успели. Трясущимися пальцами, отвернувшись к стене зала ожидания, я развернула и достала из одного рулончика деньги, купила в автомате билеты, скормив ему хрустящие банкноты. В такой ранний час на вокзале совсем мало народу. Какой-то человек в военной форме с планшетом в руке равнодушно осматривал зал, когда мы прошли мимо. Его взгляд машинально задержался на нас, и мы сели в самый дальний от него угол, за большим растением в горшке. Кафе закрыто на ночь, и мне нечего предложить ребенку, кроме упаковки сока из рюкзака.

— Хочешь попить, Сабина?

Она кивнула, я достала пачку апельсинового сока и вставила для нее трубочку.

Я еще раз проверила, на месте ли свертки денег, прислонилась спиной к холодной стене и закрыла глаза, наслаждаясь минутным состоянием покоя, который они дарят. Потом достала билеты и зажала в кулаке. Два билета до Лондона, автовокзал «Виктория». Один взрослый. Один детский. В одну сторону.

Сидя на шершавой деревянной скамейке, я прижала дочь к себе покрепче, и меня наполнило тепло. Конечно, мы пока еще не свободны, но движемся в правильном направлении.

Глава 3

Небо еще сильнее посветлело, когда подошел автобус. Мы с Сабиной поспешили внутрь. Водитель хотел взять мой рюкзак и положить его в багажное отделение.

ние — под салоном, но я не отдала. Там вся моя жизнь, мое будущее.

Найдя наши места, я поставила рюкзак у ног и посадила дочку рядом с собой. Через несколько минут пришли все пассажиры, мы выехали с автобусной станции на шоссе. Янтарные огни дороги замелькали перед глазами, и я наконец смогла вздохнуть с облегчением. Мы в пути. Веки Сабины отяжелели, она готова провалиться в сон, и я прижала ее к себе.

— Тебе удобно?

Она кивнула и положила головку ко мне на плечо.

— Отдохни, детка. Когда проснешься, мы будем уже на месте.

Вскоре ее дыхание стало ровнее, руки обмякли, голова пошатывалась в такт хода автобуса. Она заснула. Я крепко держала дочку и прокручивала в голове события, которые привели меня к нынешней точке — ради нашей безопасности мне приходится убегать посреди ночи.

Я прожила в Милтон-Кинсе десять лет — ровно столько прошло с тех пор, как я приехала из Шри-Ланки, чтобы познакомиться с будущим мужем, Сурешем Рашидом, и стать его женой, — но до сих пор почти не знала города. Он очень изменился, а я в последнее время бывала только там, куда брал муж. Иногда неделями не выходила на улицу. Не решалась. Если Суреш приходил домой и обнаруживал, что меня нет, он впадал в ярость. К тому же я никогда не знала, в каком часу он придет, потому что он никогда не посвящал меня в свои планы. Вскоре я поняла, что проще вообще не выходить из дома. Если нужно было отлучиться в магазин или уладить какие-то дела, этим занималась его мать и брала с собой Сабину. А я оставалась, взволнованная и раздраженная, занималась уборкой или готовила еду. Узница в собственном доме.

У меня не было друзей, к которым можно было бы обратиться, — Суреш не позволял видеться ни с кем, кроме его родственников. Те немногие подруги, которыми я умудрилась обзавестись, с годами отделились от меня, им было тяжело молча смотреть на мой кошмарный брак. Теперь мне не к кому обратиться, кроме членов семьи Суреша. Но я не могла довериться никому из них, ведь они могли рассказать ему, где я нахожусь, а он бы нашел меня и забрал обратно. Я не позволю этому случиться.

Но так было не всегда. Мой первый год в Англии был счастливым, мы с мужем наслаждались друг другом. Суреш никогда не выражал своих чувств открыто или публично. Он не любил держаться за руки, обнимать или целовать меня прилюдно, но был внимательным и надежным. Тогда мне казалось, мы можем стать хорошей парой.

Мы арендовали жилье рядом с его родителями, жившими в Англии уже много лет, с тех пор как Суреш еще был ребенком. Небольшой, но уютный дом, который я старалась содержать в чистоте и порядке, прилагая все усилия, чтобы сделать это жилище нашим любимым местом. Впрочем, когда я забеременела (а случилось это очень скоро), Суреш был очень счастлив.

А потом он изменился. Практически за одну ночь. До сих пор не знаю почему. Думаю, множество маленьких ран разрушило его личность.

Когда родилась моя дорогая Сабина, он был в восторге, что стал отцом. Но вскоре переменялся, сделался замкнутым и напряженным. Может, ревновал и завидовал вниманию, которое я дарила нашей маленькой хныкающей дочке, — но разве не так ведут себя все новоиспеченные матери? С первого взгляда я поняла: она — смысл моей жизни, и я никого не смогу полюбить сильнее этого младенца, беспомощного свертка,

который так во мне нуждался. Она заполнила все мое сердце, и, возможно, Суреш почувствовал, что для него не осталось места.

Спустя несколько недель после рождения Сабины Суреша сократили на работе, и это сильно задело его самолюбие. Новую работу найти оказалось непросто, хотя он старался как мог и обращался ко всем знакомым. У нас начались финансовые трудности, копились неоплаченные счета. Мы прятались, когда на пороге дома появлялись люди. Нам даже пришлось покинуть наш скромный дом и переехать к родителям Суреша.

Сначала свекр и свекровь были добры ко мне, не унывали. Когда мы толпились в их доме, они старались изо всех сил, чтобы всем было удобно и уютно, и очень полюбили свою маленькую внучку. Но вскоре изменилось и это. С их сыном стало невыносимо жить вместе.

Суреш уже не пытался найти работу и каждое утро подолгу оставался в постели. Он никогда не был набожным человеком, но теперь и вовсе перестал молиться. Муж начал сильно пить и сошелся с людьми, с которыми теперь проводит ночи.

К сожалению, моя вера тоже давно меня оставила. В моей семье мы любили обращаться к разным религиям: иногда молились в буддийском храме, иногда — в индуистском. А порой мама водила нас и в католический собор, если там был какой-нибудь праздник. «Изучай все религии, цветок моей души. Хорошо, когда есть возможность выбрать», — всегда повторяла она, наверное, полагая, что какой-нибудь бог может оказаться лучше других. А теперь я вообще не была уверена, что бог существует. Мной двигал лишь инстинкт выживания. Родители бы во мне разочаровались.

Сабина была бы близка со своей бабушкой — единственной, кого она знала. Они бы вместе готовили